

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ Н. Ф. ФЕДОРОВА*)

Кроме социалистических учений и научного марксизма мы не найдем в учениях XIX века сколько нибудь решительной критики современного капиталистического строя. Философы и моралисты в этой области оказываются весьма слабыми. Главную роль в их аргументации играют развиваемые ими этические построения и от морали идущая критика. Если же взять критику, исходящую от мыслителей, стоящих на религиозной почве, то их взоры обычно оказываются обращенными назад и весь их критический пафос направлен, преимущественно, к восстановлению исторически отживших хозяйственных форм. Причина этого явления лежит с несомненностью в том, что авторы всех подобных построений ничего не видят впереди. Будущее не освещено для них таким идеалом, который мог быть действительно воплощен в жизнь, преобразуя и освящая действительность. Будущее для них в лучшем случае темно и неизвестно, а в худшем безотраднo.

Несомненно, что учения Н. Ф. Федорова не могут быть относимы к числу таких безнадежных попыток. Его критика противопоставляет современности действенный и подлежащий осуществ-

От Редакции: Настоящая статья является перепечатной брошюры Н. А. Сетницкого «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова. Харбин 1926 г.

*) Настоящая статья представляет главу из подготовляемой к печати работы «Эксплуатация или Регуляция?»

Н. Ф. Федоров, мало известный русский мыслитель (1828-1903), при жизни почти не публиковал своих произведений. Значительная часть написанного им было напечатано после его смерти Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым, под заглавием — «Философии Общего Дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова». — Первый том издан в г. Верном в 1906 г. «не для продажи» том второй — в Москве в 1913 г. Третий том готовится к печати.

Идеи Н. Ф. Федорова до сего времени известны сравнительно весьма ограниченному кругу лиц. Несмотря на исключительный интерес всех развиваемых им построений, одних (правых) отпугивает его идейный радикализм, равного которому нет ни у одного из мыслителей современности, а других (левых) — религиозный преобра-

лению идеал, идеал настолько высокий, что все положительные достижения нашего времени оказываются для него лишь жалкой ступенью к возможному будущему, а все отрицательные черты нашего строя становятся невыносимым, неприемлемым и совершенно неизвинительным злом.

Построения этого мыслителя до сего времени изучались только религиозными философами, но и они должны были отметить в его мышлении ту мощную струю активного преобразовательного отношения его к миру, которое возможно только там, где есть налицо конкретный проект будущего и где идеал мыслится не как что-то отдаленно неопределенное и по самой природе вещей недостижимое, а как план преобразования мира трудовым напряжением осуществляемый.*)

Отсутствие систематического изложения делает очень трудной задачу выделения из произведений Н. Ф. Федорова тех или иных конкретных проблем. Будучи многообразно связаны с основными его идеями, отдельные соображения, утверждения и критические замечания разбросаны в разных частях его книг. В частности, что касается его положительных взглядов на хозяйство и хозяйственный строй, то они развиваются преимущественно в статье «В чем наша задача?» (Философия Общего Дела т. I, стр. 248-352), где трактуется вопрос о разделении на «бедных и

звательный пафос. В том же направлении действует и его язык. Н. Ф. Федоров является одним из наиболее трудно читаемых авторов. Для того, чтобы составить себе о нем некоторое представление достаточно привести следующую строку из книги Н. А. Бердяева: «Смысл Творчества»: «Есть в России гениальный и дерзновенный мыслитель Н. Ф. Федоров, автор «Философии Общего Дела» (стр. 342).

Подобного рода оценки можно услышать не только из уст наших современников. Не менее высоко Н. Ф. Федорова ценили лично знавшие его Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев. Нам известны исследования (находящиеся в рукописях), где доказывается, что Ф. М. Достоевский писал «Братьев Карамазовых» под непосредственным впечатлением письма, в котором излагалось учение Н. Ф. Федорова. В книге А. К. Горюхаева «Тяга земная», частично напечатанной в вышеуказанном в свет в 1914 г. сборнике «Вселенское дело», доказывается, что В. С. Соловьев в течение ряда лет был связан весьма крепкими узами с Н. Ф. Федоровым и считал себя его единомышленником.

*) В той же выше цит. работе Н. А. Бердяева мы находим следующие слова: «Огромно значение Федорова и его требования имманентной активности человека» (стр. 343), и несколько далее: «Радикальное и революционное сознание активного характера философии можно найти у Н. Ф. Федорова. Для активной философии мир есть проект. Для Федорова философия не есть пассивное отражение мира, а есть один из путей активного его преобразования. Созерцательная метафизика ему совершенно чужда».

богатых» и рассматриваются два вопроса: «продовольственный» и «санитарный». Имеются они в статье «Супраморализм» в поставленном здесь первом «пасхальном вопросе» (Там же т. I, стр. 402). Критические взгляды Н. Ф. Федорова на современный хозяйственный строй и интересующая нас критика капиталистического хозяйства наиболее полно изложены в статье «Выставка 1889 года» (там же т. I, стр. 493) и в посвященной вопросу о разоружении статье: «Задача Конференции Мира» (Там же, т. II стр. 323).

Первый возникающий перед нами вопрос сводится к тому, каким образом обе эти частные темы связаны с критикой капиталистического строя. В отношении первой ответить относительно нетрудно и нужное разъяснение дает сам автор, в подробном подзаголовке этой статьи*) указывающий на то, что Всемирную выставку 1889 года «можно признать последнюю, или — точнее — полным выражением «господства третьего сословия, городского по преимуществу, алогеем, кульминационным пунктом господства этого сословия» (там же т. I., стр. 492).

Что касается второй темы, то ее связь с критикой капиталистического строя требует некоторых пояснений. Н. Ф. Федоров с созывом Конференции Мира и с фактом инициативы, проявленной в этом деле русским императором, связывал ряд надежд на выполнение дела, которое он считал задачей своей жизни. Его не удовлетворяла постановка, которую придавала этому вопросу печать. В созываемой циркуляром 12 августа 1898 года конференции он видел нечто большее, чем попытку договориться о частичном разоружении. Он подчеркивал, что речь идет не о разоружении, а о конференции Мира и, благодаря ударению на слове «мир», ему представлялось необходимым поставить все вопросы на совершенно новую почву. В частности, по его мысли, работы подобной конференции не должны ограничиваться только юридической

*) Н. Ф. Федоров обычно своим статьям давал длинные заглавия, которые должны были по его мысли охватывать в сжатом виде, все содержание произведения. Рассматриваемая статья носит следующий заголовок: «Выставка 1889 года — или пагубное изображение культуры, цивилизации и эксплуатации — юбилей столетнего господства среднего класса буржуазии или городского сословия; в чем должна быть выставка последнего года XIX века или первого года XX, — точнее же выставка на рубеже этих двух веков; что XIX век завещает XX-му? (К проекту юбилейной столетней выставки)».

Статья эта, сколько можно судить по переписке Н. Ф. Федорова, составила из ряда статей под разными заглавиями, предназначавшихся для публикации в разное время. Закончена она была по видимому в 1899 году.

стороной дела, взаимными обязательствами по вопросу о военных и морских контингентах и т. п. Для успешности выполнения своего дела конференция Мира «стоящая на высоте своего призвания» должна была поставить перед человечеством новые задачи, осуществление которых займет все свободные силы, в настоящее время направленные на взаимную борьбу и раздор. По его словам: «конференция должна воинскую повинность, т. е. повинность взаимного истребления» превратить в повинность объединения людей, обращенную на преобразование мира, на борьбу «против слепой силы природы, которая является основной, коренной причиной раздора, частным случаем которой и является война». (Там же т. II стр. 324). Эта задача примирения есть основное дело XX века. «Девятнадцатый же век смотрит на это дело чисто по ребячьи, думая, что можно уничтожить войну, не устранив причин вражды, причин в высшей степени законных». Постановка этих вопросов привела нашего автора к анализу природы современного милитаризма, который противопоставляется им старому священному милитаризму, защищающему прах отцов, обороняющему кремль (кладбища, гробницы предков) и оставляющему на произвол судьбы посады, в то время, когда «новый милитаризм защищает именно города с их богатствами, фабриками, торговыми складами, магазинами и оставляет без защиты кремль» (там же, т. II стр. 331). Таким образом новый милитаризм есть создание нового индустриализма, а этот вывод заставляет Н. Ф. Федорова спросить: «Что же такое промышленность?» На это он и отвечает в рассматриваемой статье, частично повторяя в ней соображения, высказанные им более подробно в первой работе, посвященной выставке 1889 года.

Выставка 1889 г. по мысли Н. Ф. Федорова, является особенно примечательным фактом потому, что в ней полностью отразилось столетнее господство буржуазии. Первый вопрос, который он ставит по поводу ее, формулируется так: чем же должна быть выставка подводящая итоги XIX веку? Ответ на него необходимо получить хотя бы уже потому, что к началу XX века «XIX век, от р е к с я от веры в небесное царство, от Града Божия, о т к а з а л с я, можно сказать, от надежды и на земное счастье, от веры в царство земное, в град человеческий (пессимизм)». А такое двойное отречение, двойной отказ от всех чаяний, выдвигавшихся на заре наступления на историческую арену нового класса буржуазии, позволяет говорить, что выставка,

подводящая итоги XIX-му веку «должна быть критикою, а не панегириком его». Это отречение и отказ должны быть поняты и должно быть выяснено то начало, которое заменило и веру в Град Божий, и надежду на осуществление земного царства. По словам Н. Ф. Федорова все последующие выставки будут выражать уже вырождение и вымирание буржуазии, «а потому выставке 1889 года, которая есть лишь непосредственное и бессознательное выражение духа времени, — т. е. господствующего класса, — нужно обратиться из временного в постоянный памятник буржуазной эпохи, в музей, как сознательное воспроизведение отходящего времени, — такое воспроизведение, из которого можно было бы понять, кому и чему служило третье сословие».

Это предложение превратить периодическую выставку в музей, по которому можно было бы судить в будущем о буржуазной эпохе, обуславливает две стороны дальнейшего изложения. Вся рассматриваемая нами статья, таким образом, разделяется на две части: с одной стороны на определение и характеристику того импульса, на котором держится буржуазный строй и с другой — на проект выставки-музея, которая должна составить постоянный памятник буржуазной эпохи.

Что касается первой задачи, то «запад слишком хитер», чтобы откровенно сказать о том, во имя чего и для чего он существует. Раскрытие и прямая формулировка принципа современной хозяйственной деятельности не в интересах строя, все основания которого держатся на взаимных внутренних противоречиях и противоборствах. Строй, который утверждает о себе, что он существует, ради материального и нравственного (!) благополучия б о л ь ш и н с т в а («большинство» прибавлено для того, чтобы придать некоторое нравственное значение промышленности, не сказано «в с е х» — из боязни впасть в утопию), не может, сам явно выразить и указать, то начало, которому он служит и тот идеал, которым он живет и движется. Естественно поэтому, что такого рода разоблачение оказалось возможным для более простой и менее промышленной страны, где промышленность есть лишь результат поздней сравнительно прививки. По словам Н. Ф. Федорова сделано это было русскими:

«Наша местная всероссийская мануфактурно-художественная выставка 1862 года была близка к истине, она почти открыла кому служило и служит то общество, выражением, которого была всемирная выставка 1889 года, она открыла это, поставив при

самом входе на выставку изображение женщины, (или лучше — дамы, барыни, гетеры, — будет ли это наследница Евы, Елены, Пандоры, Европы, Аспазии...) в наряде, поднесенном ей промышленностью всей России из материй признанных вероятно, наилучшими из всех, представленных на выставку, — изображение женщины, созерцающей себя в зеркале и, кажется, сознающей свое центральное положение в мире (конечно, европейском только) сознающей себя конечною причиной цивилизации и культуры».

Таким образом, обнаруживается то, что лежит в основе современного строя и становится ясным, что «вся культура есть культ того идола, который поставлен был при входе». Такая характеристика, данная Н. Ф. Федоровым вопросу об основе нашей современной хозяйственной жизни, рассматривающего ее, как продукт гипертрофированного, вследствие не надлежащего направления всей жизни, и доведенного до высокого напряжения полового влечения, выдвигает вопрос о роли и значении этой потребности хозяйственной жизни и в экономическом строительстве. Из двух двигателей человеческой жизни, которыми являются, по словам Шиллера, голод и любовь, наш автор подчеркивает, что любовь и любовь половая (похоть), является тем фактором, который приводит к построению современного общества и создаваемого им строя. Таким образом, говоря о построении музея, долженствующего быть памятником протекшего столетия, музея столетнего господства буржуазии, он говорит о том, что в основу его должна быть положена книга или литература возможно полно выражающая существо этой эпохи, связанной с культом женщины. Такою книгой является энциклопедия, «которая прежде чем, «сделаться книгою», была остроумным, банкетным разговором, была «проектом промышленного государства, т. е. земного счастья, проектом царства женщин, и создавалась под влиянием женщин».

Но, если такова основа, таков проект, то самый музей третьего сословия должен быть возможно полным изображением и истолкованием этого царства женщин, их господства, «господства не тяжелого, но губительного». При этом самое изображение должно быть наглядным, ибо будущие поколения, которые должны будут знакомиться с подобным музеем окажутся не в силах понять многое, что им будет показано и представлено. Поэтому такой музей нельзя строить в форме склада и магазина, как сейчас постро-

ются выставки. Он должен быть построен так, чтобы все предметы, которые будут там выставлены, были показаны исполняющими свое назначение; они должны быть представлены «влияющими на человека, подчиняющими его себе, держащими его в вечном детстве, несовершеннолетия, расслабляющими его тело, уродующими его душу».

Такое расположение должно выдвинуть в центр рассмотрения изображение того явления в жизни буржуазии, в котором наиболее отчетливо обнаруживается и раскрывается все то, для чего весь этот строй существует, цель и конец всего хозяйственно-производственного процесса, цель и конец, которые одновременно являются началом, побуждающим к деятельности, началом, приводящим в движение всю сложную машину современного капиталистического строя. Таким моментом является для буржуазного общества бал, собрание (ассамблея) лиц, принадлежащих к правящему классу или связанных с ним.

«А с с а м б л е я — б а л, как введение, приготовление к брачному пиру, — со всею их обстановкою, есть произведение промышленности, ее цвет, корни которого кроются в глубоких рудниках и шахтах — это всемирная промышленность в ее потреблении». Этот потребительный момент тем более характерен, что в нем проявляется и осуществляется основное искусство созданное эпохой. «Это высшее, основное европейское искусство есть искусство одеваться — искусство половой борьбы, полового подбора, которое и создало промышленное государство».

В противоположность Греции, где центром жизни, ее вершиною и целью было: «искусство эллинское, парнасское, или олимпийское, гимнастическое (безодежное, нагое)», для буржуазной Европы искусство одеваться и тем самым скрывать и укрывать особенности и дефекты своего тела является завершением и смыслом всего производственного процесса, при чем этот процесс не только захватывает все существо, но и переносится на вещи. «Греки дорожили красотой тела, а европейцы дорожат красотой одежды; наши выставки заменили греческие игры, но только ассамблеи и балы служат поприщем для высшего проявления искусства одеваться».

При этом одеванье в буржуазном обществе распространяется на все: одеваются не только люди, но и предметы: книги (в роскошные переплеты), мебель (обойное дело), посуда (раскраска)

и так далее. И в этом виде и с этим качеством одетости, по мысли Н. Ф. Федорова, все соответственные предметы должны быть представлены в действии и потреблении, составляя отделы музея. На ассамблею — бал не ходят, а ездят, и собрание экипажей, столь же прекрасных, как игрушки, у помещения, где происходит бал, должно составить экипажный отдел выставки. Остальные отделы должны быть построены по тому же принципу.

Таким должен быть изображен центр выставки-музея, — бал-ассамблея, являющаяся поприщем полового подбора, где совершенствуется и достигает своих пределов умение одеваться, соответствующее оперению в царстве животных и где женщина, пользуясь всеми «произведениями фабрик и заводов для соблазна мужчин, заставляет и сих последних пользоваться произведениями тех же фабрик и заводов, чтобы, в свою очередь путем соперничества друг с другом, действовать на нее, на женщину».

Все это, конечно, ведет к торжеству женщины и поражению мужчины и, в качестве своего следствия, влечет за собой изнеживание и вымирание. Усматривая высшее счастье в сближении полов, буржуазный строй совершенно отделяет его от рождения, т. е. признает брак союзом для наслаждения, наслаждения, боящегося смерти и уверяющего ради самоуспокоения, что смерти нет. Таким образом «ассамблеи- — костюмами, своею женеподобною наружностью, романтической литературой, эротической поэзией, танцами, з н а н и е м и в с е м и и с к у с с т в а м и, прилагаемыми к ассамблейному делу — возбуждают половые страсти, приводят к преждевременной зрелости, к истощению».

Но, если таков центр и вершина, завершительно-потребительный момент буржуазного общества, то какова же его основа, база и окружение? На это Н. Ф. Федоров отвечает, помещая под ассамблейю изображение фабрики и завода, что даст по его мысли изображение «всей индустрии в ее производстве и добывании». Таким образом, нижний этаж выставочного здания, поставленный под ассамблею, занимает четвертое сословие, пролетариат, и тем самым ассамблея, являющаяся пиром третьего сословия, оказывается пиром над вулканом. «В таком положении четвертого и третьего сословий выражается взаимное их отношение» и нижний этаж — надземная фабрика и полземная шахта грозят пирующей верхушке постоянными беспокойствами, стачками и восстаниями. «Этих изображений, замечает Н. Ф. Федоров, и

нет. обыкновенно на выставках, хотя копии составляют основу, корень, глубочайший фундамент промышленных государств, — но основу вулканическую, а потому изображение этой основы, в связи со всем остальным, дало бы надлежащее представление о всей непрочности современных государств».

Но фабрикой и заводом не ограничивается характеристика буржуазного строя. По словам Н. Ф. Федорова, «фабрики, подчиняясь женщинам, имеют и у себя рабов». Это — науки и искусства, науки в лице их представителей и учреждений, которые обслуживают производство со всех сторон. Нет отрасли знания, которая не была бы привлечена к выполнению этого рода работы. На первом месте по степени своей полезности ставятся общества естествознания, но «фабрика заставляет даже археологов извлекать из старых рукописей и памятников орнаменты, которые и употребляются так же, как орудия полового подбора».

Но все это подчиненные и второстепенные с точки зрения господствующего строя учреждения. В царстве женщин академии и университеты равно, как и другие учреждения, связанные с наукой, не могут быть поставлены на одном уровне, с ассамблеей или в одном ряду с фабрикой. Им место на заднем дворе, ниже первой и сзади последней. Любопытно отметить ту градацию, которую стремится установить рассматриваемый нами автор в среде наук и искусств, представленных на подобного рода выставке-музее:

«Самую нижнюю и заднюю часть займут чистые, т. е. не прикладные науки; ближе к фабрике станут прикладные науки; а самое высшее место на заднем дворе наук и искусств должно быть отведено опере и балету... Самое последнее место (в этом царстве) занимают музеи, которым... остается быть лишь собранием ветоши»...

Указывая на то, что этот род деятельности собирание и хранение ветоши представляется анахронизмом нашему веку, где живое дело и высшее искусство сводится к тому, чтобы одеваться в тряпки, Н. Ф. Федоров замечает — «как не сказать нынешнему поколению: не гордись, тряпка, — завтра будешь ветошкой». Действительно, и деятели революции 1789 года уже поглашены кладбищем, а весь период с 1789 по 1889 год уже стал достоянием истории и сдан в архив, а изучение и сохранение памяти о нем стало делом музея. Эта гибель и смерть заставляет его поставить вопрос о роли погребального искусства в буржуазном строе.

Место ему он отводит при самом выходе с выставки. «Если женщине дано место при входе на выставку, то почему бы обществу похоронных процессий, не отвести место при выходе, и притом тотчас за медицинским и хирургическим отделами, указывающими на вечность болезни и смерти, что по учению прогресса считается явлением естественным, неизбежным, нормальным?»

В этом современном искусстве достигает крайних пределов стремление всего строя к фальсификации и извращению естества. Оно пытается, «самой смерти придать образ жизни, обманывая не только обоняние, но пытается обмануть и зрение, подкрашиванием и подбеливанием мертвеца, стараясь представить его не только живым, но и цветущим.»

Но, если такова организация современного общества на его вершине, в его командующем слое, то каково же место, занимаемое в нем другими общественными группами? Таких групп, существующих наряду с третьим сословием, Н. Ф. Федоров насчитывает две: это — четвертое сословие, пролетариат, фабрично-заводские, промышленные рабочие, и жители села — крестьянство — пятое сословие, если не считать промежуточного ученого сословия — интеллигенции.

Четвертое сословие в выставочном здании занимает нижний этаж, находится под ассамблеею и является взрывчатой вулканической силой, лежащей в подпочве всего торгово-промышленного строя. Но определения взаимоотношения путем такого расположения помещений между четвертым и третьим сословием недостаточно для того, чтобы судить о характере самого четвертого сословия. В капиталистическом строе оно тянется за третьим, поэтому то при этом порядке оказывается, что «ассамблея для третьего сословия то же, что для четвертого трактир и дом протитуции».

Этой формулой определяет Н. Ф. Федоров взаимоотношение между обоими названными общественными группами. В ней с одной стороны указывается то конечное место, где находят себе лучшие устремления четвертого сословия, а с другой — подчеркивается, что это является не чем-либо внешним, а органически присущим буржуазному порядку, где социальные верхи подают пример низам и увлекая, побуждают их к подражанию себе в самом основном и главном стремлении. Но четвертое сословие всецело зависит от наличия фабричного производства, а рост последнего, открытие каждой новой фабрики, что, конечно,

одобряется обществом в целом, влечет за собой автоматический рост пьянства, и разврата, что доказывается статистикой. Конечно, такое расширение производства одобряется и правительством, ограждающим интересы правящего сословия, причем это правительство, учитывая все результаты этого расширения, не преминет обычно: «усилить полицию, увеличить мирный состав войск, не оставит без увеличения и судебные трибуналы», и, с помощью статистики, точно определит необходимую степень увеличения всего этого.

При таком положении естественным становится то распределение мест в нижнем этаже выставочного здания (под ассамблеей), которое рисует Н. Ф. Федоров. Центральное место здесь будет принадлежать фабрике и заводу с их придатками: трактиром и публичным домом. Фасад этого помещения должен быть представлен магазином, где товар выставляется, показывается лицом, а фабрика с ее дополнениями должна представлять изнанку, тыльную сторону этой постройки.

При этом среди построек, характеризующих третье и четвертое сословия в том же здании или среди той же группы зданий помещаются университет и концентрируются ученые, художественные и учебные заведения. Все учреждения эти должны быть сосредоточены на задворках центральных сооружений капиталистического строя. Их положением должно быть обозначено место в этом строе «ученого сословия», т. е. интеллигенции, той группы, которая оказывается занимающей какое-то промежуточное место между обоими основными группами: торгово-промышленным классом и фабричным пролетариатом. Ниже мы приводим в выдержке исчерпывающую характеристику этого слоя, от которой трудно что либо убавить.

«Ученое сословие, — деля барыши с третьим сословием, т. е. участвуя в обращении принадлежащих к четвертому сословию фабричных рабочих, — в машины, в клапаны, — так сказать, обезглавливая их на все шесть дней недели, — показывает вид, будто принимает горячее участие в рабочих и в сельской день занимает их популярными чтениями, т. е. как бы возвращает им на этот день голову, которая для рабочих, таким образом, то же, что шляпа, которую надевают по праздникам. Участвуя в действительном порабощении, в действительном обезглавливании людей четвертого сословия, ученые дают им мнимое поддельное популярное просвещение, вместо действительного

участия в познании, и, вместе с тем освобождают от предрасудков, т. е. от религии, заменяя авторитет духовенства своим собственным. Те же ученые, которые не успели еще войти в долю с третьим сословием, те стараются вооружить «четвертое сословие против третьего».

Роль ученого сословия в капиталистическом строе, с точки зрения Н. Ф. Федорова, тем возмутительнее, что оно есть та сила, единственная сила, которая могла бы при правильном понимании своего значения направить общественную жизнь по другому руслу. Занявшись исследованием коренных причин, ведущих мир к розни и гнету, оно могло бы разрешить все мучащие человечество вопросы, тогда как в настоящее время члены этого сословия, в руках которого находится все разумение, не только не выполняют своего долга, «но в угоду женской прихоти, создав и поддерживая мануфактуру, этот корень неродственности, изобретают все новые и новые средства ее, т. е. изобретают орудия истребления для защиты порожденной женской прихотью мануфактуры». (Фил. Общ. Дела т. I. стр. 6).

Все разделение общества на противоборствующие классы, согласно мысли Н. Ф. Федорова, являются не чем иным, как результатом разделения его на людей мысли и людей дела, на ученых и неученых. «Это разделение составляет самое великое бедствие, несравненно большее, чем распадение на богатых и бедных», причем разрешение вопроса об этом втором распадении всецело зависит от разрешения первого. А устранение его зависит не от распространения популярного образования, а только от участия в знании и участия всеобщего. Доколе не будет участия в знании всех, — до тех пор «чистая наука останется равнодушною к борьбе, к истреблению, а прикладная не перестанет помогать ему, помогать и прямо — изобретением орудий истребления, и косвенно, придавая соблазнительную наружность вещам, предметам потребления».

Возвращаясь к выставке и заканчивая описание центрального здания проектируемой выставки, где об'единены ассамблея — фабрика со своими придатками и учреждениями, связанными с наукой и искусством, мы услышим, что «описанная группа зданий будет служить выраженьем «политико-экономической мудрости посада, эксплуатирующего село». Против этих зданий, как отражение их в другой сфере отношений, должны быть воздвигнуты иные постройки,

являющиеся необходимым дополнением к первой группе. Сюда должны быть вынесены, казармы, полицейские части, будки, суд, тюрьмы и т. под. здания, являющиеся «выражением политической юр ид и ч е с к о й м у д р о с т и п о с а д а». Здесь будут, таким образом, представлены все учреждения, помогающие «торгово-промышленному классу совокупно с рабочим классом в эксплуатации села или пятого сословия, потому что город относится к селу, как хищник, или как плотоядное к травоядному».

Таков современный город, как нечто целое, где сосредоточена вся жизнь правящего класса и обслуживающих его групп населения. Характеристика его должна быть дополнена описанием тех взаимоотношений, которые развиваются в городской среде не только между отдельными группами, но и между всем городом и отдельным лицом. Душу этого города составляет: «п р о г р е с с п р о м ы ш л е н н о - т о р г о в ы й, постоянно усиливающий внутреннюю борьбу» и «п р о г р е с с п о л и ц е й с к о - с у д е б н ы х у ч р е ж д е н и й, обязанных сдерживать борьбу», предупреждать столкновения путем постоянного наблюдения, путем наказания тех, «которые выходят за пределы личной свободы, допускаемой законом».

Таким образом, надзор, кара, страх наказаний, пресечений и предупреждений и, как символ всего этого, острог и тюрьма «где собраны всевозможные орудия наказаний» — такими чертами должна быть представлена внутренность современного города. Извне же такой город будет изображен крепостью «представляющей все усовершенствования в наступательных и оборонительных орудиях войны — это п р о г р е с с в о е н н ы й». Но этот военный прогресс является только внешним и искаженным. Индустриализм внутри и милитаризм вне не обеспечивают прочности промышленно-торгового государства, которому грозят не только внутренние взрывы. «Милитаризм на подкладке индустриализма оказывается бессильным для защиты: оружие улучшается, а войско ухудшается... население становится интернациональным, земля для такого населенія не прах предков, а богатство, только не ему, большинству, принадлежащее». Это положение чревато всяческими поражениями и верная действительности выставка должна показать, как оружие, приготовленное промышленной страной для своей защиты, обращается против нее же и «оказывается приготовленным на свое поражение и гибель». Такое соотношение между внутренностью и внешностью. ведет к тому, что

выставка с одной стороны «показывает богатство, как приманку, а с другой стороны показывает оружие, которым это богатство будет отнято». Так Н. Ф. Федоров оценивает выставку 1867 года, где Франция показывала свои богатства, даже стремясь показать их больше, чем их было. Это была одна из приманок, возбуждавших аппетит Германии «и особенно Пруссии, которая в 1866 г. показала свою силу».

Выставка 1889 года должна таким же образом показать, что пять миллионов контрибуции для Франции ничего не значат и она может уплатить какую угодно новую контрибуцию. Но такое демонстрирование своих богатств, и связанные с ним провоцируемые войны, ведет не только в внешним международным столкновениям. «Аппетит к богатствам», таким образом, побужден не только в Германии, но и в самой Франции. «Четвертое сословие самой Франции увидало богатства третьего сословия и быть может в конференции по рабочему вопросу, «собранный императором Вильгельмом, можно видеть начало союза между Германией и четвертым сословием самой Франции».

Таков строй, представленный выставкой 1889 года, заключающий в себе отрицание цели и смысла жизни, нарушение и отрицание всех 10 заповедей, а первой и пятой в особенности, строй, который в качестве единой религии признает мамонизм («религия американцев — этих истинных представителей нашего века»), где Вандербильты и Ротшильды единственные святые. В этом строе мы наблюдаем три вида прогресса: военного, юридического и индустриально-экономического, причем последний, влекущий за собой внутреннюю войну, являясь, т. е., гражданским милитаризмом, представляет зло еще больше чем, милитаризм международный. Но результат этого тройного милитаризма в том, что он превращает человечество в то состояние, когда каждый каждому волк. «Самое же величайшее проклятие, зло это наше постоянное сторожевое положение, страх или опасение покушений на плоды наших личных трудов, на наши личные права, — этот наш внутренний душевный милитаризм, это первая заповедь пацизма, светского катехизиса, на котором только и может держаться социализм. Этот внутренний милитаризм вызывает также необходимость и постоянного высшего надзора».

Таким образом, все построения Н. Ф. Федорова заостряются в трех положениях, которые связаны со всей системой его уче-

ний. Современные разделения в среде человечества он сводит не к экономическому, а к интеллектуальному фактору. Классовое, сословное и всякое другое расслоение не есть первичное и самостоятельное явление, а лишь результат предшествующего ему разделения человечества на людей мысли и дела. Расчленение, родственной первоначально среды на группы, занятые исключительно проэктивно-организационной и символической деятельностью с одной стороны, а с другой — оставление за большинством только исполнительно трудовых деятельностей и напряжений влечет за собой все дальнейшие общественные дробления, наслаивающиеся на это основное.

Нашей современностью выдвинут на очередь вопрос социальный, вопрос о бедности и богатстве, но это вопрос второстепенный, симптом некоторого более глубокого разделения, а потому лечение его не ведет к цели и вне излечения человечества от основных противоречий невозможно достичь сколько-нибудь удовлетворительного разрешения социального вопроса. Современный город, современное государство и общество являются крайним, и, если не последним осуществлением, то ближайшим этапом к такому осуществлению этого последнего разделения. Построенное по образу организма капиталистическое общество, хищнически-паразитарное по своей природе, замкнуто в круге безысходных противоречий, угрожающих ему и извне и изнутри. Гнет и рознь, характерные черты его, с течением времени, не только не смягчаются, но принимают все новые и новые формы. Конечное завершительное устремление всего этого строя есть смерть и сам он представляется самому себе на своей социальной вершине и в качестве осуществляемого идеала: брачным торжеством и пиршеством, праздником непрерывным и вечным, постоянной ярмаркой и развлечением, но в то же время извне все это является пиром смерти, непрекращаемой борьбой и схваткой противоборствующих, неразумно-влекущихся к столкновению слепых стихий, укорененных в среде самого человечества.

Строй этот в двух направлениях несет и осуществляет собой смерть. Своей жестокой эксплуатацией природы он истощает ее относительно небольшие ресурсы, приводит к расстройству организм и без того падающего мира, добавляя к стихийным противоборствам слепой и умерщвляющей природы, не получающей от человека руководства, еще и внутри человеческую борьбу и разлад. При этом смерть от истощения природы и самоубийствен-

ная борьба в человечестве — таковы итоги этого строя, который, если не сам доведет мир до подобного конца, то только потому, что ему самому предстоит пасть раньше в силу борьбы внешней и внутренней, борьбы безнадежной для него уже потому, что, будучи паразитарно-хищническим по своей природе, он должен будет отступить перед строем определенно и принципиально хищническим.

Наконец, жизненным импульсом, вызывающим к существованию весь этот строй, движущим его и характеризующим его в основных устремлениях, является не какая-либо сознательная задача, поставленная человечеству кем-либо или осознанная им самим, а стихийное стремление к наслаждению, выражающемуся в элементарном половом удовлетворении. Женщина и провоцируемая ею раздраженная половая сила мужской половины человечества является тем импульсом, который создает этот строй, изнеживающий и развращающий человечество, ведущий его к вырождению и вымиранию. Новая заповедь прелюбодеяния (проституция), заповедь полового удовлетворения, как основного метода обеспечивающего жизнь и здоровье молодого поколения, ведет к заповеди нерождения и Франция на себе показывает результаты проведения в жизнь этого закона. Рознь, смерть и похоть таковы — основа, венец и путь, которыми движется, держится и завершается современный капиталистический строй.

Вся система учений Н. Ф. Федорова исходит из стремления к пересозданию этого строя, к восстановлению в человечестве родства и единства, осуществляемого по образу совершеннейшего соединения, в котором нет ни розни, ни гнета. Не касаясь тех частных вопросов, которые он поднимает в своих статьях, посвященных выставке 1889 года, — чем заменить эту выставку, — а именно, вопроса о музее, как противоположном выставке учреждении, осуществляющем в себе восстановление и сохранение, воскрешение прошлого, не останавливаясь на вопросе о том, каково значение французской выставки для России, нам надлежит указать лишь, по возможности кратко, какие принципы конкретно противопоставляет рассматриваемый нами автор тем началам, на которых зиждется современный ему и нам строй.

По основной мысли Н. Ф. Федорова, разделение человечества не может быть преодолено вне упразднения деления человечества на ученых и неученых, вне уничтожения коренного распада: сознанья и дела, мысли и труда. Это положение связано не с обыч-

ным представлением о всеобщем образовании или обучении и о приобщении всего человечества к грамотности или к популярному знанию. Объединение такое может быть достигнуто не путем принижения и приспособления знания или более широкого его распространения, а исключительно путем поднятия всего человечества на вершины исследования и науки. «Все должны быть познающими и всё предметом познания» — таков выдвигаемый Н. Ф. Федоровым лозунг. Объединение человечества в труде познания и исследования мыслится им не в форме выработки и воспитания кадра специалистов, ведущих человечество к тем или иным, хотя бы и высоким целям, а сначала в форме всеобщей трудовой повинности исследования и изучения, а затем управления и преобразования стихийных сил, бушующих во внешнем природном мире, в современной социальной среде и в слепом неуправляемом разумом организме самого человека. Всеобщий труд познания, непрерывный, преобразовательный, воссоздающий труд противопоставляется здесь «шестнадцати часовой праздности социалистов» и не только шестнадцати-часовой, а «двадцати-трех часовой, если будут осуществлены все социалистические планы в этой области». Труд познания противопоставляется им бессознательное использование дарового и выдвигается лозунг, согласно которому в жизни человечества ничего не должно быть дарового, а все должно быть трудовым, благоприобретенным. Это «ничего» понимается Н. Ф. Федоровым в самом широком смысле этого слова: не должно быть ни одного процесса и акта ни в самом человеке, ни в обществе, ни во внешней природе, которые осуществлялись бы вне познания и сознания человека. По самой природе своей человек есть осуществитель разума и регулятор стихийных сил в мире.

Борьбе в современном строе и, как конечному завершению ее, смерти, Н. Ф. Федоров противопоставляет жизнь и ее осуществление. Вопросу социальному «о бедности и богатстве» противопоставляется вопрос естественный: «вопрос жизни и смерти». С разрешением этого первичного вопроса, вторичный и производный разрешится автоматически, ибо он есть лишь симптом, второстепенное явление, лежащее на периферии и зависящее от более глубоких и подпочвенных причин. Естественным и существенным является найти и дать ответ на вопрос: почему живущее умирает? С разрешением его решится и все остальное. Ре-

шение же это может быть осуществлено только на почве соединения ученого сословия, современных людей мысли, с ляртым сословием (крестьянством) сословием непосредственного производства, с той социальной группой, которая в наибольшей степени заинтересована в решении вопроса о жизни. Союз интеллигенции и крестьянства, союз не словесный, а деловой и трудовой, направленный на познание и управление умерщвляющих сил природы, от которых непосредственно зависит жизнь земледельца, этот союз представляется Н. Ф. Федорову во много раз естественнее, чем союз ученых с буржуазией или с пролетариатом, которые самой стеной города отгорожены от внешней природы и тем поставлены в условия, делающие их неспособными понять все значение и всю глубину вопроса о жизни и смерти. Для города смерть представляется случайным явлением, изредка среди торговой сутолоки привлекающим его внимание и самые мертвецы его, выгнанные за пределы, на окраины не напоминают горожанину о той связи, которая существует между смертью и всякого рода стихийным неразумным процессом.

Поэтому то легче в среде селян выяснить, понять и поставить вопрос о жизни и смерти, легче можно заменить строительство соблазнительных «мануфактурных игрушек», познанием слепой умерщвляющей силы природы и управлением ее, при том таким управлением, при котором обеспечивалась бы самая жизнь, заменяя на этом пути городскую паразитарно-хищническую утилизацию и эксплуатацию природы регуляцией всех естественных природных процессов сознательными, протекающими под контролем человеческого разума действиями и мировыми, хоровыми, согласованными, постройительно-творческими деятельностями.

Господство женщины, жидущееся на гипертрофированном половом влечении горожанина, освобожденного от познавательно преобразовательного труда, и в свою очередь созидующее современный строй и влекущее эффеминацию человечества, таким образом, должно направиться в другую сторону. Опознанная и регулируемая половая сила человечества вместо стихийного рассеивания и связанного с ним истощения и вымирания должна превращаться в высшие энергии человека, направленные на познание мира, управление ими и воссоздание всего утраченного. При этом женщина, нынешний центр устремления городского человечества, должна стать тем, что она есть по самому существу: «дочерью человеческою», заботящейся и поддерживающей жизнь

отцов, укрепляющей, восстанавливающей изначальное родство человечества и вдохновляющей живущие поколения в общем деле всего человечества, в деле имманентного восстановления его целостности, нарушенной слепыми силами природы.

Существенно то, что все эти построения Н. Ф. Федорова не являются продуктом какой-либо мистической или метафизической системы, отвлеченным и отрешенным построением, неимеющим жизненных корней и не представляются туманным идеалом, который будет выполняться и осуществляться далекими будущими поколениями. Все это — практические построения, которые он стремится связать с каждым встречающимся на его пути жизненным событием. Лучшей характеристикой отношения его ко всем вопросам, связанным с представлением о недостижимых идеалах являются сказанные им слова относительно мировоззрения и мирозерцания, необходимость и наличность которых считалась в его время (конец XIX века) необходимым признаком каждого культурного человека. «Мир дан не на погляденье и не на созерцанье», говорил он, проповедуя общее дело объединенного человечества и отвергая толстовское «неделание». Он строил практическую систему, а не высказывал только свои теоретические взгляды, созерцания и постиженья.

До сего времени, если не считать ближайших его последователей: В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, о Н. Ф. Федорове и его учении писали преимущественно философы и богословы, поэтому останавливавшиеся преимущественно на богословских и философских сторонах его построений, но и они признают, как это было упомянуто выше в лице Н. А. Бердяева,*) что «для Федорова философия не есть пассивное отражение мира, а есть один из путей активного его преобразования. Созерцательная метафизика ему совершенно чужда».

Н. А. Сетницкий

*) Ср. выше цитированное соч. «Смысл Творчества» стр. 336.